

душахъ нашихъ, несмотря на тысячи искушеній, являющихся подѣ предлогомъ какой-то европейской свободы и образованія. Но, при всемъ этомъ, нельзя вамъ не замѣтить, что вы не вполне чувствуете наше назначеніе: вы радуетесь нашимъ успѣхамъ, называете ихъ славою, думаете, что жить въ славѣ, вами созданной, уже есть достиженіе послѣдней степени блаженства. Но это совсѣмъ не такъ у насъ на дѣлѣ. Вашъ самый горестный день въ жизни можетъ равняться нашему отдыху. Вотъ теперь вы насъ поймете, если примете это глубоко къ сердцу. Мы несемъ всю тягость труда, чтобы, въ соревнованіи съ просвѣщеннѣйшими націями, выиграть первенство во славу Божию, посреди чувственныхъ собственныхъ искушеній, посреди пренебреженій отъ великихъ міра, у которыхъ художникъ и крѣпостной ихъ человѣкъ—почти одно и тоже. Образование ихъ, основанное грошевыми европейскими учителями, дѣлаетъ ихъ поклонниками даже и посредственности европейской. Намъ, съ христіанскимъ терпѣніемъ, нужно ихъ перевоспитывать въ томъ разумѣ, что отъ нихъ, какъ отъ лицъ правительственныхъ, будутъ зависеть и лучшіе успѣхи отечества, — это работа, которой не знаютъ совсѣмъ ни нѣмцы, ни англичане, ни французы. Что касается до интересовъ, то вы сами знаете, что только тогда кой-какъ и можно имѣть какую-нибудь свободу въ обращеніи, когда объ нихъ нѣтъ помину. И потому, мы отказываемъ себѣ во всемъ, и маленькія деньги, въ сравненіи съ нашимъ огромнымъ предпріятіемъ, едва достаютъ, чтобы не впасть въ долги. Между нами сказать, я начинаю жить милостыннымъ подаеніемъ. Судите-же сами, можемъ ли мы удѣлить вамъ на свадьбу нашей племянницы? Но Богъ не безъ милости, могутъ обстоятельства перемѣниться, и если точно намъ и вамъ нужны деньги, то онѣ будутъ. Молитесь.

Батюшка!

Мы терпимъ, но Богъ благословилъ насъ силами, здоровьемъ и бодростью къ перенесенію всѣхъ бѣдствій, какія люди съ легкими умами придумываютъ, чтобы надѣлать намъ непріятностей. Всегда почти такое было положеніе людей, чѣмъ-нибудь отличившихся отъ другихъ. У насъ, въ молодомъ отечествѣ, это есть ощутительное невѣжество подавлять

таланты, но за то свѣжестъ силъ молодаго народа обѣщаетъ золотой вѣкъ для грядущаго поколѣнія.

Братъ слышитъ лучше, и по временамъ хорошо. Климатъ много значитъ.

СХХІХ.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1846.)

Батюшка!

Пожалуйста, вы изъ этого письма ничего никому не говорите, и не беспокойтесь за мои дѣла. Я все самъ обдѣлаю какъ нельзя лучше. Съ президентомъ Академіи обо мнѣ, пожалуйста, не говорите. Вообще самое лучшее, если въ Петербургѣ обо мнѣ будетъ какъ можно меньше говору. Легкіе умы всегда готовы къ пашнямъ. Зачѣмъ-же намъ давать себя имъ для матеріала?

Самое мучительное для меня — это слышать о вашемъ дѣлѣ съ Засеномъ. Но, какъ видно, мы не сильны отъ него отклонить (васъ): это — самое сильное изъ всѣхъ нашихъ страданій. Я даже боюсь, чтобы у меня не сдѣлался аневризмъ въ сердцѣ отъ частыхъ объ немъ воспоминаній.

СХХХ.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Апрель 1846.)

Извините меня, — я это время былъ такъ озабоченъ, что не успѣлъ собирать себя, чтобы посильно строго надзирать кругъ моихъ дѣйствій. Теперь, кажется, кончилось безпокойное мое положеніе, на счетъ надежды на перемѣну къ луч-

шему, по случаю прїѣзда Государя въ Римъ. Мнѣ во всемъ отказъ.

Получилъ я недавно книги: два тома Арцыбашева ¹⁾, «О иконописаніи» ²⁾ и Чицова «О работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ» ³⁾. Батюшка извѣщаетъ, что получилъ ихъ изъ Москвы. Больше я ничего пока не знаю объ этомъ. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Чицова: давно я отъ него ничего не получалъ, и не знаю, гдѣ онъ. Если бы вы были такъ добры, чтобы потрудились ему сказать, чтобы онъ ко мнѣ написалъ, или сами бы потрудились написать, что и какъ дѣлается, и когда онъ двинется сюда.

Братъ со мною уже три недѣли. 16-ти-лѣтняя разлука въ такіе годы насъ дѣлала чужими на время. Я счастливъ его прїездомъ. Художниковъ, которымъ поручаютъ заказы отъ Государя Императора, состоящіе изъ копій, выбранныхъ его величествомъ въ Павіи, Неаполѣ, Римѣ и Флоренціи, можно раздѣлить на три класса.

Вы предлагаете мнѣ заняться надзоромъ надъ художниками для производства копій, назначенныхъ имъ отъ Государя въ Римѣ, Павіи, Флоренціи и Болоньи, полагая, что они не въ силахъ безъ моего содѣйствія ихъ произвести, назначая мнѣ за это—временное жалованье. Благодаря за такую ко мнѣ довѣренность, я долженъ, однакожь, приписать все это—не довольно достаточному ознакомленію съ ними, вслѣдствіе недавняго вступленія на ваше мѣсто. И потому, пользуюсь симъ случаемъ, какъ старожилу римскій, я здѣсь сообщу вамъ, какъ понимаю это дѣло.

Государь радостно встрѣтилъ графа Толстаго въ Римѣ въ самую ту минуту, когда думалъ ознаменовать свое путешествіе въ Италію, назначивъ заказы художникамъ русскимъ, состоящіе изъ копій съ оригиналовъ, имъ самимъ выбранныхъ, и присоединивъ тогда къ онымъ (другіе) во Флоренціи, Павіи, Болоньи и Неаполѣ. Вслѣдствіе чего вице-президентъ составилъ здѣсь списокъ, который передъ отпра-

¹⁾ Повѣствованіе о Россіи. М. 1838—43. 4^о.

²⁾ Соч. Архим. Анатолія. М. 1845. 8^о.

³⁾ Отдѣльный оттискъ изъ „Московского Литературнаго и Ученаго Сборника.“ М. 1845. 8^о.

леніемъ его былъ поданъ на разсмотрѣніе и утвержденіе министра двора, копию съ коего (списка) я здѣсь прилагаю, изъ которой вы усмотрите, что тутъ своихъ три пенсіонера Академіи, надъ коими (учредить) надзоръ—значило бы умалить ихъ достоинство, ибо наша золотая медаль отличила насъ изъ сотенъ и возвела до свободныхъ дѣйствій въ мірѣ искусствъ. Это: Калковъ, Михайловъ, Тихобразовъ. За ними слѣдуютъ художники, не достигшіе сего высокаго званія, однакожь, къ дѣланію копій совершенно способные, безъ малѣйшей чужой помощи. Это: Борисполецъ, Чмутовъ, Серебряковъ, Орловъ, Шуппе и Кольбергъ. Потомъ—художники не столь сильные, или по молодости не успѣвшіе еще показать себя. Это всѣ остальные, кромѣ знаменитаго гравера Гордана. Первымъ графъ назначилъ копию съ самыхъ важныхъ оригиналовъ, а вторыхъ хотѣлъ подчинить надзору пенсіонеровъ, или старшихъ художниковъ.

Что же касается до меня, то студія моя, всегда закрытая для публики, открыта для моихъ родныхъ братій, русскихъ художниковъ,—это подтвердитъ самый младшій изъ насъ. Жалованье за это брать я стыжусь и думать, хотя нахожусь въ совершенномъ безденежьѣ, по случаю отказа Академіи на мою просьбу о способахъ на продолженіе труда.

~~~~~

CXXXI.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Май 1846.)

Ваше воспоминаніе объ трудѣ моемъ, переданное мнѣ Θεодоромъ Васильевичемъ Чижовымъ, весьма меня оживило, тѣмъ болѣе, что теперь нахожусь въ часѣ испытаній. Просьба моя, поданная, по случаю пріѣзда Государя Императора въ Римъ, министру двора Волконскому была отправлена въ Академію Художествъ, на разсмотрѣніе. Отвѣтъ на нее отъ Лейтенбергскаго я здѣсь вамъ прилагаю въ копіи, дабы вы могли вполне судить, по вѣрнымъ документамъ, о состояніи стра-

дальческой души моей. Къ сему присоедините еще одно обстоятельство: будучи свидѣтелемъ заказовъ царскихъ въ Римѣ для моихъ братьевъ, русскихъ художниковъ, я, какъ опытный художникъ, взялся охранять ихъ распоряженіе. Изъ этого безкорыстнаго самоотверженія и свободнаго дѣйствія моей души вылилось ужасное чувство, за подписью Адлерберга, гдѣ видно, что Киль почувствовалъ во мнѣ для себя надобность, вздумалъ обращаться со мной, какъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ, и, не спрося моего ни мнѣнія, ни согласія, прямо написалъ бумагу, представивъ меня, какъ нестоящаго довѣренности плута, Государю, — что вы усмотрите сами, прочитавъ здѣсь прилагаемую копію.

Если не найдется способовъ говорить съ самимъ Государемъ объ моей картинѣ, о суммѣ на ея окончаніе, то будьте столь добры и благосклонны, соберите частную помощь займообразно еще разъ: можетъ быть, она въ соединеніи съ той, что, думаете, соберется въ Москвѣ, достаточна будетъ, чтобы увѣнчать окончаніе труда моего.

~~~~~

СХХХІІ.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Іюнь 1846.)

Съ живѣйшею радостью вижу, что соотечественники признали во мнѣ дѣятеля русскаго не на словахъ, а на дѣлѣ, предлагая мнѣ способы для окончанія моего труда. Хотя въ васъ замѣтна какая-то неистовость въ дѣйствіяхъ патріотизма, но, можетъ быть, потомство, разсмотря настоящую минуту Россіи, васъ въ этомъ извинитъ. Я радъ, что могу надѣяться на вѣрную помощь отъ своихъ братьевъ; она, однакожь, не прежде мнѣ нужна будетъ, какъ черезъ годъ, или даже полтора, а между тѣмъ въ это время я совершенно могу знать: достаточны ли мои силы, чтобы окончить мой трудъ, потому что буду на самомъ раскатѣ колесъ окончанія. Важно это предложеніе вспомошествованія еще потому, что пра-

вительство прислало мнѣ двѣ бумаги, на которыя я только и утѣшеніе нашелъ въ моленіи и въ чтеніи Евангелія. Копіи съ нихъ я здѣсь прилагаю. Правительство соглашается заплатить мнѣ за конченную картину, но затрудняется мнѣ дать на ея окончаніе. Я ничего не прошу за трудъ, лишь бы только дали способы мнѣ его окончить, и потому, если и заимообразно меня ссудятъ соотечественники деньгами, то столько же будетъ для труда моего важно, какъ и подаривши. Я прошу у правительства по шести тысячъ въ годъ на три года.

Да не придетъ вамъ въ умъ несообразность съ моей стороны въ томъ отношеніи, что какъ же человѣкъ говорить намъ, что обрывается въ способахъ сейчасъ, а у него еще есть денегъ на полтора года? Привыкнувъ жить навѣрное, я всегда закрывалъ отъ людей остатки, скопляемые лишеніями, не вѣря людямъ ни въ чемъ,—это тоже одинъ изъ монументовъ татарскаго ига. Но теперь, когда въ сердцѣ моего отечества находятся люди, которыхъ чувства совершенно сливаются съ моими, то я рѣшаюсь доживать до послѣдняго гроша, и тогда только прибѣгну къ ихъ благодарнымъ сердцамъ. На дняхъ я ѣду въ Неаполь, для подкрѣпленія моего тѣла морскими банями: я разслабъ, раздавая всѣмъ должныя роли въ продолженіи пяти мѣсяцевъ,—не забудьте, что мнѣ нужно было говорить съ самимъ владыкой.

~~~~~

СXXXIII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Іюль 1846.)

Князь Волконскій уже нѣсколько дней какъ здѣсь въ Римѣ, но я былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа, и потому васъ тотчасъ объ этомъ не извѣстилъ. Представьте, мнѣ вручили вексель въ 5,500 руб. ¹⁾, на самыхъ ужасныхъ

¹⁾ Ассигнаціями.

условіяхъ. Я подписался, что непременно окончу картину на эти деньги въ продолженіи одного года. Съ твердымъ упованіемъ на ваше покровительство—доставить мнѣ миръ и спокойствіе душевное, вразумить о необходимости сего людей, отъ которыхъ это зависитъ,—эту благодать съ нетерпѣніемъ я жажду. Одно, что я могъ извлечь изъ настоящаго моего положенія, это пользу—прибить билетъ къ рѣшоткѣ моей студіи, гдѣ, извѣщая, что, обѣщавъ Государю Императору окончить картину въ теченіи года, къ сожалѣнію моему, я долженъ прекратить входъ любопытныхъ видѣть картину. Это, конечно, спасетъ мое время и цѣлость мыслей: Уединеніе и отстраненіе отъ людей мнѣ столько же необходимы, какъ пища и сонъ,—убѣдитесь въ этой истинѣ: это вамъ говоритъ художникъ, прожившій до 40 лѣтняго возраста. Пережмѣньтесь же въ минуту завершения труда, гдѣ еще болѣе нужно сосредоточеніе мыслей, было бы дѣломъ нелѣпымъ и завело (бы) меня въ разрядъ обманщиковъ и подлецовъ въ глазахъ обѣихъ столицъ отечества, готовыхъ давать мнѣ помощь, въ случаѣ, если правительство мнѣ въ ней будетъ отказывать.

~~~~~

СXXXIV.

КЪ ШЕВЫРЕВУ.

(Неаполь. Лѣто 1846.)

Извините, что опаздываю вамъ отвѣчать. Все это время я находился въ разныхъ испытаніяхъ, а теперь въ Неаполѣ я освѣжился съ помощью минеральной воды и морскихъ бань, которыя еще въ половинѣ. Это облегченіе помогаетъ моимъ силамъ переносить слѣдующія тяжести жизни и продолжать трудъ. Очень, очень будетъ кстати пріѣздъ Θεод. Вас., но это еще далеко. Апраксина получила письмо отъ Гоголя, гдѣ онъ пишетъ ей, что пріѣдетъ въ Неаполь черезъ мѣсяць, и отсюда пустится въ Сирію. Завидное путешествіе (для того), кто часто погружается въ откровеніе Божіе, кто без-

престанно слѣдить Библию! Мнѣ бы очень хотѣлось видѣться здѣсь съ Гоголемъ, и я думаю остаться выждать его, а на будущей недѣлѣ съѣздить дней на 10 въ Палермо, для срисовки греческихъ мозаикъ въ Монреале. Не найду ли пищи для нашей превосходной церкви? Вѣдь, можетъ быть, не удастся быть болѣе въ Неаполѣ. Усердно благодарю васъ за книги, но все-таки «Древностей московскихъ»¹⁾ не получалъ. Вещь-то очень соблазнительная, всякому ихъ хочется имѣть у себя.

Вы противъ Арцыбашева? Я не знаю, что тутъ сказать, а мнѣ онъ нравится болѣе Карамзина. Пока я думаю, что художнику нужны матеріалы, какъ они существуютъ. У Карамзина прекраснымъ русскимъ слогомъ, очень вѣжливо и учтиво, выглажены всѣ остроты, оригинальности и рѣзкости, такъ что все, что сзади текста, въ концѣ книги, то лучше самой книги. Я здѣсь говорю про первое его изданіе. Извините, пожалуйста, что я пустился говорить съ вами дерзко. Но, право, это только порывы русскаго къ истинѣ. Совсѣмъ не имѣлъ понятія о новѣйшемъ изданіи Карамзина²⁾. Если Ѳ. В. возьмется его сюда доставить ко мнѣ, то я просилъ бы васъ покорнѣйше прислать его сюда, а другаго случая пока нѣтъ.

Картины мои: «Боецъ», «Лаокоонъ съ дѣтми» и «Венера Медицейская» дожидають вашего мановенія на квартирѣ моего батюшки въ Петербургѣ. Укладку и пересылку ихъ я желалъ бы, однакожь, чтобы заплатили; о первомъ позаботится мой батюшка, а о второмъ нельзя ли похлопотать вамъ? Когда вы рѣшите, въ кое время ихъ везти, то извѣстите тогда двумя словами моего батюшку, чтобы хорошенько уложить ихъ. Ящикъ—довольно большой и плоскій, я думаю—три аршина въ ширину и четыре въ длину. Очень бы вы меня одолжили, еслибы прислали полное описаніе московскаго рисовальнаго класса. Подъ чьимъ онъ вѣдѣніемъ, что дѣлають члены, и сколько ихъ, и сколько учителей, и какая ихъ обязанность, и что за люди, приходящіе учиться, какихъ лѣтъ, и что за степень ихъ образованія, и какимъ пу-

¹⁾ Памятники моск. древностей, Снегирева. М. 1842—45. 4°.

²⁾ Говорится объ изд. Эйнерлинга въ 3 ч.—П. 1842—43. 8°.

темъ можно его поднять, такъ, чтобы можно было обо всемъ этомъ подумать заранѣе, какъ и съ какой стороны его поднять и усовершенствовать? Если уже я долженъ быть учителемъ, то, разумѣется, въ Москвѣ, а не въ другомъ городѣ Россіи.

СХХХV.

КЪ ГРИГ. КАРП. МИХАЙЛОВУ.

Казамичи. (Льто) 1846.

Благодѣтельствуемый милостивымъ приѣмомъ Софьи Петровны, я между прочимъ имѣлъ съ ней разговоръ объ васъ, изъ котораго ея превосходительство, узнавъ отъ меня, что вы любимый ученикъ знаменитаго Карла Брюлло, усугубила къ вамъ еще болѣе свое вниманіе.

Если вы еще не оставили своего желанія—сдѣлать съ нея портретъ во славу искусства русскаго, то, мнѣ бы казалось, хорошо бы вы очень сдѣлали, если-бъ прежде приступа къ этому важному дѣлу, пріѣхали бы на нѣсколько дней сюда пожить, дабы изучить ея повороты, въ которыхъ она болѣе изящна, и такимъ образомъ, представя сначала ей эскизъ, ждать отъ нея милостиваго разрѣшенія на ваше прекрасное предпріятіе.

Сколько ни вникалъ въ вашу мысль, чтобы составить себѣ идею изъ ея родословной для портрета, никакъ не могъ ничего придумать. Мое мнѣніе: сдѣлать портретъ или просто съ тиціановскимъ—темнымъ фономъ, или (съ) неаполитанскою загородною околичностью, въ память ея здѣсь долгаго пребыванія.

Будьте увѣрены, что въ ваше дѣло я не буду вмѣшиваться, и, оставляя васъ и свободнымъ, и спокойнымъ, буду надѣяться, что и вы ко мнѣ навсегда останетесь съ тѣми же чувствами.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ нашимъ художникамъ, и увѣдомьте, каково здоровье С. М. Воробьева ¹⁾.

¹⁾ Сокр. Максим. Воробьевъ, сынъ извѣстнаго пейзажиста и самъ пейзажистъ.

СXXXVI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Неаполь. Осень 1846.)

Ждалъ я васъ здѣсь, наконецъ рѣшился возвратиться въ Римъ, оставя вамъ это письмо. Со мной случились разныя непріятности съ Зубковымъ ¹⁾: онъ грубой острасткой покорилъ художниковъ, письма мои перехватываютъ. Я просилъ Сверчкова послать мое письмо съ границы къ Чижову, гдѣ я предлагаю Чижову мѣсто Зубкова. По моему убѣжденію, это было бы и наше, и его счастье.

Здѣсь былъ русскій корабль, и у одного несчастнаго матроса оторвало руки. Я хлопоталъ, чтобы ему собрать что-нибудь. Графиня ²⁾ была тронута, однакожь не пригласила меня на завтракъ, гдѣ были всѣ званы на день рожденія ея дочери. Розенбергъ былъ въ полномъ довольствіи отъ моего положенія, и даже Класовскій. Я уединился въ Неаполь, и, читая «Подражаніе Іисусу Христу», хотѣлъ вамъ написать записочку, чтобы вы пріѣхали въ Каstellамаре поправить мои дѣла. Болѣе всего меня занималъ домъ С. П. Апраксиной, глубокія уваженія къ которому мнѣ хотѣлось сбересть, и потому я хотѣлъ уѣхать, не простившись съ ними, чтобы остаться при цѣлости тѣхъ прекрасныхъ идей, какія мнѣ до сихъ поръ о себѣ подавали, и въ эту минуту получаю собственноручное письмо—приглашеніе къ обѣду.

Я провелъ время у С. П. какъ нельзя лучше. Она вынудила меня говорить объ искусствѣ, объ откровеніи Божьемъ и о связи его съ художникомъ, о несчастномъ положеніи художника русскаго и о вѣрныхъ данныхъ—видѣть впереди чудесную ихъ будущность. Я здѣсь занимался въ библиотекѣ древностями Египта, и наконецъ рѣшился имѣть собственностью лучшее изданіе, т. е. Розеллини. ³⁾ Дорого оно стоитъ—около 100 скудъ; безъ денегъ—это деньги, но чтожь дѣлать? Жизнь, можетъ быть, мнѣ пресѣкутъ прежде, чѣмъ исто-

¹⁾ Зубковъ—секретарь инспекціи надъ русскими художниками въ Римѣ.

²⁾ Графиня Софья Петровна Апраксина, урожд. Толстая.

³⁾ *Rosellini, Monumenti di Egitto e di Nubia.*

щатся всё послѣдніе способы существованія? Если вы заблагоразсудите взять меня съ собой на поклоненіе гробу Господню, то я готовъ совершенно.

СХХХVII.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Декабрь 1846.)

Моллеръ, подавая мнѣ письмо ваше, утвердительно сказалъ, что вы въ Иерусалимъ не ѣдете,—значить, что и мое положеніе разрѣшено. Карнавалъ приближается, а слѣдовательно и личное свиданіе съ вами. Конечно, тутъ многое будетъ зависѣть отъ здоровья членовъ дома Апраксиныхъ. Но если вы пуститесь къ намъ, въ столицу искусствъ, то дайте мнѣ знать о днѣ вашего прибытія: мнѣ бы очень хотѣлось встрѣтить васъ въ Альбано, тѣмъ болѣе, что я опять имѣю большую надобность побывать у художника Лапченки.

Да устранимъ Богъ всякое дѣвольское нашествіе отъ васъ, и да пребудете цѣлы и мирны, какъ то явилъ Онъ намъ въ образѣ Іисуса Христа.

СХХХVIII.

КЪ ШЕВЫРЕВУ.

(Римъ. Конецъ 1846.)

Позвольте мнѣ сообщить вамъ нѣсколько моихъ мыслей въ разсужденіи Рисовальнаго класса московскаго. Завьяловъ для него—драгоцѣнность: никто лучше его не знаетъ рисунокъ, такъ строго и учено. Еслибъ Завьяловъ обилень былъ въ творчествѣ и литературныхъ знаніяхъ, тогда бы онъ не имѣлъ терпѣнія быть учителемъ рисованія; но человѣкъ вообще самолюбивъ, и чѣмъ меньше вообще онъ имѣетъ даровъ отъ природы, тѣмъ болѣе онъ думаетъ, что ими вла-

дѣть. Русскій же притомъ гораздо раздражительнѣе, потому что идетъ въ раздоръ жившихъ и живущихъ другихъ народовъ. И такъ, самолюбіе Завьялова отнюдь не оскорбленіе, — совѣмъ не нужно, чтобы онъ зналъ, что я тоже хочу быть полезнымъ Рисовальному классу. Не знаю, достанетъ ли силъ и здоровья, а я чувствую, что могу поднять его выше. Пока мѣсть при случаѣ я соглашу здѣсь послать Рисовальному классу гравюры и двѣ-три лучшихъ статуи въ алебастрѣ, а васъ буду просить: чтобы употребить всѣ силы упросить Завьялова, чтобы какъ можно чаще заставлялъ чертить съ тѣхъ и съ другихъ, отнюдь не говоря, что это моя мысль. Привычка и глаза и руки, молодыхъ, къ наивнымъ и прекраснымъ линіямъ сдѣлаютъ его (ученика) готовымъ къ изображенію мыслей, а къ тому времени и я приѣду.

Можетъ быть, не будетъ такъ, но нетерпѣніе сказать вамъ о будущемъ такъ и манить вамъ еще сообщить, — пожалуйста, однакожь, это очень между нами.

Мнѣ кажется, учитель въ Академіи, на жалованьѣ, изъ себя дѣлаетъ пошлаго чиновника. Эту форму должно избѣгнать въ будущемъ устройствѣ ¹⁾.

~~~~~  
СXXXIX.

КЪ ГОГОЛЮ <sup>2)</sup>.

*Римъ, 22 января 1847.*

Не отвѣчаю вамъ ни на одно изъ трехъ вашихъ писемъ, потому что отвѣтъ боюсь повѣрить бумагѣ. Только при сви-

<sup>1)</sup> Можетъ быть, къ этому письму относится приписка, помѣщенная у насъ подъ письмомъ къ Шевыреву отъ 4 (16) декабря 1845 г. Въ альбомахъ Иванова съ его черновыми письмами, которыя мы перепечатаваемъ здѣсь, встрѣчается иногда, что письмо, начатое въ одномъ мѣстѣ, окончено совѣмъ въ другомъ, если въ первомъ случаѣ всѣ листы были уже исписаны (См. стр. 201).

<sup>2)</sup> Многія изъ писемъ Иванова къ Гоголю (1845—51) были напечатаны въ „Современникѣ“ 1858, т. LXXII, отд. I, стр. 148—174, съ нѣкоторыми перемѣнами и вставками, сдѣланными Ивановымъ, очевидно, при перепискѣ ихъ на-чисто. Здѣсь онѣ печатаются съ черновыхъ набросковъ, въ прежней редакціи, со включеніемъ однако позднѣйшихъ вставокъ, которыя поэтому и заключены у насъ въ скобки ( ).

даніи личною вы замѣтите: виновать-ли я, или нѣтъ. Доброта Виктора Владиміровича <sup>1)</sup> меня изумляетъ: онъ, между прочимъ, позволилъ мнѣ вложить это письмо въ свое, чтобы препроводить къ вамъ.

Положеніе мое, все еще тревожное, не можетъ иначе устроиться, какъ вами, т.-е. когда вы вступите въ службу къ князю <sup>2)</sup>, какъ секретарь русскихъ художниковъ. Вся ваша дѣятельность—будете писать отчеты обо всѣхъ насъ, во все продолженіе окончанія моей картины. Вы гениальнымъ перомъ вашимъ приготовите Государя на вѣрную оцѣнку нашихъ художническихъ произведеній, которыя въ продолженіи этого же времени будутъ имѣть свое окончаніе. Отчеты будутъ печататься (по Высочайшему повелѣнію), и, слѣдовательно, приготовятъ публику русскую понимать величіе и высоту художника русскаго.

Князь будетъ руководитель Киля. Объ утвержденіи этомъ будутъ стараться многіе. Чижову предложить званіе агента. Должность его будетъ—замѣнять начитанность художническую, т.-е. онъ, вмѣсто насъ, будетъ читать книги необходимыя на разныхъ языкахъ (и выносить намъ оттуда результаты, приспособленные къ художнической точкѣ зрѣнія, изъ чего вы, пожалуй, составите книгу для образованія молодыхъ, будущихъ въ Россіи художниковъ). Къ этому—онъ знаетъ математику; слѣдовательно, нуженъ и архитекторамъ. Ему будетъ вѣрена и библіотека, которой приращеніе будетъ зависѣть отъ васъ и общаго совѣта нашего, подъ предсѣдательствомъ князя. (Онъ будетъ имѣть казенныя двѣ комнаты на сей конецъ. Князь можетъ тогда отставить доктора, и эти деньги обратить на покупку книгъ.) Киль останется попечителемъ художниковъ 3-го званія и имѣющихъ надобность въ помощи. Онъ же будетъ передавать векселя пенсионерамъ. Все это требуетъ ума и соображенія (Софьи Петровны).

О пріѣздѣ Софьи Петровны прошу меня ранѣе извѣстить, дабы я могъ выѣхать на встрѣчу ей въ Альбано,—не лишите меня этого удовольствія. Аристократъ, дѣйствующій согласно съ высотой его званія, невольно достоинъ похвалы.

<sup>1)</sup> Графъ Апраксинъ, сынъ Софьи Петровны.

<sup>2)</sup> Князь Григ. Петр. Волконскій, сынъ министра двора.

(Кстати, мнѣ очень нужно повидаться съ дальнимъ родственникомъ Лапченки).

Недавно мнѣ пришлось испытать нашествіе въ слѣдующихъ словахъ:

«Начальникъ надъ русскими художниками въ Римѣ, за-вѣдывающій Высочайшими заказами Государя Императора въ Италіи, отъѣзжая во вторникъ вечеромъ на нѣкоторое время изъ Рима, и желая видѣть передъ отъѣздомъ своимъ заказанную вамъ Его Императорскимъ Величествомъ картину, а потому и предлагаю вамъ, милостивый государь, согласно желанію его превосходительства генераль-маіора Киля, находиться въ студіи вашей во вторникъ 5-го января, съ 10 часовъ утра до 12 пополудни, ибо около сего времени его превосходительство намѣрены посѣтить студію вашу.

Подписаль секретарь дирекціи (К\*\*\* З\*\*\*)<sup>1)</sup>.

И вотъ мой отвѣтъ:

«На присланную вами бумагу долгомъ считаю отвѣтствовать, что данная мною подписка при полученіи денегъ отъ Государя Императора заставляетъ меня употребить всѣ мои часы на приведеніе къ возможно скорѣйшему окончанію моей картины. Вслѣдствіе чего я работаю надъ нею безостановочно, и потому никоимъ образомъ не могу удѣлить ни малѣйшаго времени для пріема посѣтителей въ мастерской моей. При семъ за нужное считаю извѣстить васъ, что, облагодѣтельствованный милостями Монарха и одаренный его благосклоннымъ вниманіемъ къ труду моему, я теперь ни при какихъ неожиданно могущихъ встрѣтиться обстоятельствахъ не дерзну беспокоить его о дальнѣйшемъ пособіи. Письмо это можетъ служить мнѣ подпискою. Вслѣдствіе всего этого, прошу покорно васъ, милостивый государь, представить генераль-маіору Килю, что я убѣдительно прошу оставить меня безпрепятственно заниматься моею работою, безъ чего я никакъ не въ состояніи буду, не возмущая моихъ занятій, исполнить мое искреннее желаніе—окончить картину мою къ возможно скорѣйшему времени. До сихъ поръ я отказывалъ самымъ близкимъ мнѣ лицамъ и, кромѣ ихъ,

<sup>1)</sup> Зубковъ.

людямъ государственнымъ, глубоко мною уважаемымъ, именно потому, что всякое посѣщеніе, и еще болѣе (когда) конецъ работы на полномъ ея движеніи, возмущаетъ мое внутреннее спокойствіе, и рѣшительно останавливаетъ ходъ ея».

Все, что я тутъ вамъ написалъ, все это тайна, которую прошу никому не довѣрять.

Вамъ совершенно преданный

Александръ Ивановъ.

СXL.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Начало 1847.)

Неопытность моя въ обращеніи съ людьми срамитъ меня на каждомъ шагѣ, и особливо въ письменныхъ выраженіяхъ. Я долженъ, наконецъ, сказать, что много пострадалъ въ этомъ году отъ писемъ къ друзьямъ. Однакожь, ваше отъ 24 декабря непременно вызываетъ меня на это дѣло. Богу угодно, чтобы страданіями приобрѣлъ я опытность. Прошу предварительно снизить къ выраженіямъ: я не литераторъ. Прошу также взять въ соображеніе, что человѣкъ всегда находится подъ какой-нибудь минутой его страсти, которая иногда овладѣваетъ и самимъ разумомъ. Однимъ словомъ, приготовьтесь мнѣ прощать.

Къ чему каждый изъ насъ призванъ,—это, мнѣ кажется, мы ни одинъ не можемъ разгадать. Углубляясь болѣе и болѣе въ собственную свою душу, я всегда объ одномъ только забочусь: чтобы въ предположеніяхъ моихъ никого не насильствовать, и ни надъ кѣмъ не владычествовать.

Вашему несчастію я вполне сочувствую, тѣмъ болѣе, что самъ теперь нахожусь въ томительныхъ ожиданіяхъ, безпрестанно прося у Бога подкрѣпленія силъ. Я вамъ слегка намекалъ уже объ этомъ въ послѣднемъ письмѣ, но оставимъ объ этомъ: придетъ время разговоровъ, и отчетливыхъ, и ясныхъ, и уже оно близко.

Женщина создана быть помощницей человѣка: она ему

вполнѣ сострадаетъ, служить ему изумительнымъ отдохновеніемъ отъ разумныхъ его напряженій, давая такимъ образомъ силы къ дальнѣйшимъ его предпріятіямъ, и, вводя въ свои тайны, даетъ и физическимъ силамъ свѣжесть и радость. Истинно счастливъ тотъ, кому суждено быть соединеннымъ съ такимъ существомъ. Но какими молитвами до этого достигнешь? Достанетъ-ли слезъ вымыть всѣ подлыя мѣста прошедшей жизни?

Что касается до денегъ, то я вамъ уже писалъ, что въ нихъ теперь не нуждаюсь, и если вы знаете сдѣлать изъ нихъ другой оборотъ въ продолженіи полутора года, то дѣлайте.

Раеву и Солнцеву передалъ всѣ слова ваши, но они теперь хорошо пристроены. Особливо вамъ, въ самомъ дѣлѣ, нельзя теперь объ нихъ заботиться. Остановлюсь здѣсь и отвѣтомъ на ваше письмо: нужно гораздо болѣе силъ, чтобы васъ развлечь и утѣшить, а (я) въ особенности сегодня чувствую себя разслабленнымъ и изнуреннымъ. Все постараюсь употребить, чтобы къ вамъ опять писать, а покамѣстъ остановлюсь на слѣдующихъ словахъ Евангелія... <sup>1)</sup>



## СХLІ.

### КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Начало 1847.)

Опять я въ искушеніи, опять пишу, опять боюсь. Въ послѣднемъ письмѣ, гдѣ вы были приведены вашимъ горестнымъ положеніемъ въ самое близкое сношеніе съ Верховнымъ существомъ, все-таки проглянуло у васъ какое-то неудовольствіе, за то, (что) я васъ назвалъ полезнымъ для нашего художественнаго міра, тогда какъ я не только не хотѣлъ васъ этимъ обидѣть, но истинно утѣшить. Благоразуміе требуетъ восторжествовать надъ недоразумѣніями, и, хотя бы стоило обоюдныхъ страданій, все прокладывать дорогу новымъ разъясненіемъ чувствъ и мнѣній. Изъ всего,

<sup>1)</sup> Въ черновомъ наброскѣ письма текстъ этотъ не вставленъ.



что случается кругомъ меня, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что пока художникъ русскій не вступитъ въ печатный бой съ отечественными литераторами, до тѣхъ поръ не встать искусству крѣпко и прочно на свои собственные базы. А чѣмъ это начнешь, какъ не письмами? Вотъ почему я радъ нашей разлукѣ, и желалъ бы, чтобы она продолжалась до самаго окончанія моей картины.

Деньги я получилъ отъ васъ въ тотъ самый день, когда послалъ къ вамъ послѣднее письмо. Очень жалѣю, что вы мнѣ ихъ прислали. Я вамъ писалъ, что обстоятельства мои измѣнились, и я въ нихъ не имѣю нужды показѣсть.

Скажу вамъ важную новость: Гоголь навѣрное побѣдетъ нынѣшней весной, и даже очень скоро, поклонится святому Гробу и напечатать свою вторую книгу, которую всѣ благомыслящіе ждутъ съ благоговѣніемъ.



## СХІІ.

### КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Апрель 1847.)

Получилъ я письмо ваше отъ графини Толстой, но такъ какъ письма ваши изъ Неаполя превышали всѣ непріятности, какія мнѣ случалось претерпѣть эту зиму, то я рѣшился оставить это ваше письмо не распечатаннымъ, дабы не пострадать снова.

Викторъ Владиміровичъ ознаменовалъ свой пріѣздъ сюда водвореніемъ мира — между правительственными людьми и художниками. Что съ тѣхъ поръ все идетъ еще успѣшнѣе — это болѣе всего чувствительно и важно для меня, какъ болѣе всего пострадавшаго.

Если уже вамъ очень нужно что-нибудь отъ меня, то гораздо мнѣ легче къ вамъ пріѣхать въ Неаполь, чѣмъ прочесть ваше письмо. Скажите черезъ кого-нибудь, и я сейчасъ пріѣду. Чижовъ уѣхалъ. Трудно, чтобы состоялся его журналъ. Онъ очень, очень не готовъ ни къ принятію должности, ни къ журналу.



## СХLIII.

КЪ ГОГОЛЮ.

*(Римъ. Весна 1847.)*

Я былъ очень встревоженъ вашимъ письмомъ изъ Неаполя, и, подь влiянiемъ сихъ безпокойствъ, послалъ вамъ мое послѣднее. Вы подробности не знаете моего положенiя; слѣдовательно, строго говоря, нельзя мнѣ васъ винить, и потому пока, какъ есть дѣло, я прошу у васъ извиненiя за то, что-таки письма мои послѣднiя были извѣстной страсти, изъ чего вышла новая бѣда. Чтобы не задѣтъ никого, я молчу, даже писавъ къ вамъ: молчанiе точно есть единственное средство въ настоящую минуту. Скажу одно, что тогда только чувствую себя вполне сильнымъ, спокойнымъ, и даже способнымъ служить другимъ, когда нѣтъ покушенiя на мою независимость

Въ бесѣдахъ съ вами, и только съ одними вами, духъ мой не утомляется. Вы знаете, что мнѣ сказать и что не говорить. Вы меня любите глубоко мудрымъ образомъ, но васъ нѣтъ на лицо, а я поставленъ все въ какое-то столкновенiе съ людьми, и, никогда не имѣя случая изучать ихъ, мучаюсь въ этой каторжной работѣ.

## СХLIV.

КЪ ГРАФ. С. П. АПРАКСИНОЙ.

*(Римъ. Лiто 1847.)*

Вѣжливость и преданность моя вашему дому давно вызываютъ меня писать вамъ, но я не могу довѣрить перу чувствъ моихъ, столь много разслабленныхъ происшествiями прошедшей зимы. Чувствую себя усталымъ не столько физически, сколько нравственно. Чувствую надобность въ отдыхѣ, т.-е. въ перемѣнѣ образа занятiй; предположилъ ѣхать къ вамъ въ Неаполь съ книгами и бумагой, чтобы болѣе выяснить себѣ думы прошедшаго лѣта.

Я вѣрю, что только у васъ мнѣ можно найти полное спокойствіе, столь необходимое для совершенствованія моихъ мыслей. Вполнѣ убѣжденъ, что вы только однѣ способны понять, что полная свобода въ дѣйствіяхъ зрѣлаго художника не только не вредна будетъ ни для кого, но, можетъ быть, еще и пособить многимъ въ дальнѣйшемъ духовномъ ихъ развитіи.

Установившись тверже въ идеяхъ, и укрѣпившись тѣлесно, я возвращусь опять въ Римъ, гдѣ самые враги мои, наконецъ, можетъ быть, поймутъ, что прежде окончанія моей картины нѣ на что силъ моихъ тратить, и тѣмъ выиграютъ гораздо болѣе, чѣмъ интригами и остротами.

~~~~~

CXLV.

КЪ БРАТУ.

(Неаполь. Лѣто 1847.)

Третьяго дня въ субботу я получилъ твое письмо, изъ котораго видно, (что) было другое ко мнѣ, которое я до сихъ поръ не имѣю. Крайне сокрушенъ я твоимъ горемъ, и въ этомъ чувствѣ поѣхалъ въ Неаполь, чтобы узнать подробности о тебѣ отъ Колонны. Меня болѣе всего изумляетъ то, что ты не пріѣхалъ со мной проститься передъ отъѣздомъ. Тутъ бы раздѣлили вмѣстѣ горе, оно бы и, можетъ быть, совершенно исчезло. Благодарю тебя за свѣдѣнія помпейскія, я надѣюсь ихъ провѣрить. Я здѣсь останусь еще три недѣли, что составитъ 30 банъ—курсъ, для котораго я сюда пріѣхалъ. Мнѣ очень нужно знать, согласенъ ты со мной путешествовать, въ половинѣ августа, во Флоренцію, Миланъ и Венецію, такъ, чтобы къ октябрю быть въ Римѣ и засѣсть крѣпко за работу? Пожалуйста, напиши мнѣ объ этомъ. Не называй ты мое житье теперешнее—сибаритскимъ. Это совершенно наоборотъ. Никогда въ жизни моей мнѣ столько не нужно было силъ духовныхъ, какъ теперь. А ты, я думаю, и самъ знаешь, что крѣпости духа и все остальное подвластно.

При личном свиданіи поговоримъ и о твоихъ, и о моихъ дѣлахъ подробно.

У Михайлова возьмешь вексель, Колонна сохранить до моего отъѣзда отсюда. Для этого я пріѣзжалъ въ Неаполь.

Ты все какъ будто сердишься: повѣрь моей опытности, что ссора съ самимъ собой и съ другими останавливаетъ всѣ успѣхи и высокія дѣйствія, безъ которыхъ весь свѣтъ былъ бы вздоръ.

Мы, спеціально ведущіе духовное развитіе отечества, непременно должны искать премудраго примиренія съ властью, обращая ее намъ въ покровительство. Безъ согласія этихъ двухъ сторонъ нельзя ждать возможнаго преуспѣянія. Ты очень дурно сдѣлалъ, что не приготовился принять въ Помпеѣ важнѣйшихъ особъ. Ты меня поставилъ въ обманщики. А что еще хуже, книжечку о Языковѣ и Гоголѣ ¹⁾ увезъ съ собой, тогда какъ Софья Петровна немедленно должна была ее послать къ Гоголю. Сдѣлай милость, сейчасъ же ее вышли на мое имя сюда.

CXLVI.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Генуя, 18 сентября 1847.

Выѣхалъ изъ воротъ молча. Два римлянина, сидѣвшіе со мной въ ротондѣ, горячо говорили о переворотахъ политическихъ. Одного оставили мы въ Витербо, и тогда другой едва не жаловался на горячее положеніе умовъ, въ которомъ и онъ, хотя и посѣдѣвшій, долженъ невольно принимать участіе. Пустившись изъ Сіены, я остался, къ счастью, одинъ, ибо у меня сдѣлались такія желудочныя схватки, о которыхъ я буду умалчивать.

Милая Флоренція вздохнула въ меня опять своими прі-

¹⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ отдѣльномъ отискѣ статьи кн. Вяземскаго изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1847, №№ 90 и 91.

ютами и воспоминаніями о прошедшихъ ученіяхъ, о бытѣ безпечной и спокойной жизни художника свободнаго. Измученный безпрестанными подлыми раздорами, я тутъ отдохнулъ. Порча, сдѣланная по необходимости въ молодости моей, немедленно уступила святости жизни, и первая попавшаяся ласточка уже меня невольно повлекла за собой. Въ пріятной ея улыбкѣ замѣчается сторона черты глубокомысленнаго Леонардо-да-Винчи. Блѣдность и легкій румянецъ ея мирили меня съ меланхолическимъ колоритомъ флорентинцевъ: я даже порицалъ литераторовъ, нападающихъ на безколерность флорентійцевъ. Безпрестанно слѣдя за улыбкой ласточки, мысли шли далѣе, но Боже мой—какъ!

Войдемъ глубоко въ настоящее мое положеніе: молодая дѣва, знатная происхожденіемъ соотечественница, прелестная, добрая душою, полюбила меня горячо,—простила мнѣ недостатки и увѣрила меня въ своемъ постоянствѣ. Если я не отвѣчу на все это святостью моей жизни, безъ сомнѣнія буду подлець изъ подлецовъ. Пришедъ въ себя, въ раскаяніи я пошелъ домой, чтобы при молитвѣ повергнуть себя ницъ предъ волей Божіей, и въ слезахъ нашель полное душевное спокойствіе. На другой день, послѣ кофе въ Эльветико, я почувствовалъ боль въ животѣ, приписалъ это отравѣ, по обыкновенію моему съ нѣкотораго времени такъ думать. Но если это и преслѣдованіе, то преслѣдованіе матери, заботящейся о благосостояніи своего сына. Она рассуждаетъ по-женски, она не можетъ вникнуть во всю высоту новаго значенія моего—художника христіанскаго, художника русскаго. Ея высокій родъ безпрестанно ей мѣшаетъ войти въ равенство со мной.

Письмо со стороны графа Штапельберга снесъ я къ Бирону, секретарю австрійскаго посольства. Дипломатъ занялся его чтеніемъ, сказавъ мнѣ, что онъ готовъ къ услугамъ, а когда я сказалъ о позволеніяхъ, то онъ свысока изъясвилъ желаніе подписать ихъ. Въ «Уффиціяхъ» мнѣ дали его такъ легко, какъ я не думалъ. Такимъ образомъ подлеца, вновь пріобрѣтеннаго, я берегъ для рекомендацій въ Миланѣ, на что австріецъ отвѣчалъ, «что вы тамъ-де имѣете своего кон-

сула, онъ для васъ все тамъ обязанъ сдѣлать». Бибииковъ ¹⁾ все еще живетъ прыгуномъ и скакуномъ; однакожь, въ немъ слышны отголоски прекрасной души русской. Опасаясь новыхъ сплетенъ, которыя такъ усердно поддерживаются людьми безъ дѣла, я съ нимъ старался избѣгать многихъ разговоровъ. Мнѣ все казалось, что многое онъ обо мнѣ знаетъ,—разговоръ его о женитьбѣ имѣлъ какую-то связь съ моимъ положеніемъ. Выставивъ достоинства Эппингера, я погнулъ съ этого послѣдняго на мою сторону. Люди терпѣть не могутъ разъясненія ихъ слабыхъ сторонъ, но похвала сейчасъ ихъ присоединяетъ къ тому лицу, кто этого правила держится.

Изъ Флоренціи выѣхалъ я, въ третьихъ мѣстахъ желѣзной дороги, въ Ливорно. Здѣсь засталъ я весьма важное происшествіе—испросъ національной гвардіи у правительства. «Если не дадутъ намъ національной гвардіи,—говорили въ городѣ,—то будетъ революція». Мнѣ совѣтовали убраться; нѣкоторые уѣхали на пароходѣ въ воскресенье вечеромъ. Я хотѣлъ ѣхать въ Пизу, чтобы поговорить съ Розини о покупке у брата Розеллини, но мнѣ сказали, что въ Пизѣ очень безпокойно, и что Розини долженъ быть очень занятъ.

Въ Ливорно были аффиши, гдѣ Грандука объявляетъ, что просьбу народную отдалъ онъ на разсмотрѣніе въ государственнѣйшій совѣтъ; а къ вечеру, однакожь, аффиши тѣ были замѣнены другими, уже не отъ правительства напечатанными, гдѣ высказывается увѣщаніе, чтобы не безпокоиться и ожидать, подобно лукезцамъ, согласія правительства. Это говорятъ имъ ливорнезцы, слышавшіе и знающіе за вѣрное, что готовятся ужасныя сцены со стороны нетерпѣливаго народа. Несмотря на это, толпы народа становились по двое на главной улицѣ, пошли маршемъ на площадь, безпрестанно умножаясь, съ кокардами изъ трехъ цвѣтовъ на лѣвомъ боку. Вся масса отправилась къ желѣзной дорогѣ, чтобы получить правительственный отвѣтъ. Всѣ были въ нетерпѣніи. Наконецъ къ сумеркамъ, на площади поднялись

¹⁾ Матв. Павл. Бибииковъ, художникъ-любитель, извѣстный особенно своими письмами объ Италіи.

знамена трехъ-цвѣтныя, заиграли маршь дилеттанты. Бюстъ папы, окруженный среднимъ классомъ, неся впереди, и все превратилось въ войско. Губернаторъ первый иллюминировалъ свой домъ, къ которому подошло все множество, преклоняя свои знамена; потомъ передъ главной гауптвахтой было тоже. Карабиньеры еще съ самаго начала замолкли, и были спокойными зрителями. Всю ночь почти ходили маршемъ, средней классъ съ простымъ по городу. На другой день аффиши возгласили, что нужно благодарить Бога за милости, и вотъ въ кафедральную церковь народъ, взявъ стройно подъ руку карабиньеровъ, попарно входилъ въ храмъ Божій. Многіе кричали: «Да здравствуетъ уничтоженіе шпіоновъ!» Войска съ музыкой тоже провожали народъ въ церковь. Тутъ уже очень много явилось хорошо одѣтыхъ людей и дамъ съ кокардами, сквозь слезы смотрящихъ на такое примиреніе правительства съ народомъ. Явились и трибуны, говорили рѣчи подъ знаменами, но я не могъ всего услышать. Физиономія одного изъ нихъ была какъ бы замертво потрясенная,—видно, что ораторъ былъ сильно взволнованъ новымъ своимъ положеніемъ. Объявлена была раздача хлѣба бѣднымъ братьямъ въ тѣхъ мѣстахъ города, гдѣ назначена была подписка на такое пожертвованіе, въ томъ числѣ въ кафе Минерва. Народъ, обступившій его здѣсь,—были молодые здоровые рабочіе, безпрестанно входящіе въ кафе толпой просить денегъ на покупку кокардъ. Полиціи не было въ дѣйствиіи въ эту минуту; хозяинъ кафе долженъ былъ уговаривать безпрестанно о выходеніи за двери докучныхъ просителей. Это маленькое злоупотребленіе скоро окончилось. Хозяева въ трактирахъ и факины вдругъ сдѣлались честнѣе. Я отправился на пароходъ. Сильный вѣтеръ, хотя и попутный намъ всеѣмъ, нагналъ морскую болѣзнь. Я прибылъ въ Геную самымъ несчастнымъ человѣкомъ: рвота и бессонница меня измучили. Генуя великолѣпна; народъ, хотя и не строгой красоты, но полный здоровья, какого я давно не видалъ. Независимость государственная дѣлаетъ ихъ какими-то героями самостоятельными. Отличное войско, честность повсемѣстная и порядокъ заставили меня ихъ уважать. Великолѣпны пункты зрѣнія въ Генуѣ: въ величіи она имѣетъ что-то

римское, — дворцы великолѣпны, мраморъ кажется здѣсь ни по чѣмъ. Мой вожатый завелъ меня, между прочимъ, къ русскому консулу. Я какъ-то очень давно слышалъ, что консулъ нашъ въ Генуѣ честный человѣкъ, но вотъ какъ онъ меня принялъ: сталъ разсматривать паспортъ, и хотѣлъ меня отправить немедленно въ Россію, опираясь на законъ, что русскій подданный не смѣетъ быть болѣе трехъ лѣтъ въ чужихъ краяхъ. Растревоживъ меня такимъ образомъ, этотъ подлець, обернувъ паспортъ, нашелъ тамъ послѣднюю подпись Бутенева, и, основываясь на этомъ, сказалъ, что можетъ прописать въ Миланъ, съ возвратомъ въ Римъ. Наконецъ, сталъ спрашивать: состою ли я на службѣ? на что я ему отвѣтилъ, что работаю картину по заказу Государа и, получивъ первую золотую медаль, я тоже состою на службѣ. Подлець, выходя со мной изъ комнаты, сказалъ, что его обязанность служить всѣмъ русскимъ, и что онъ жалѣетъ, что не обходитъ со мной Генуи. Паспортъ стоитъ около 8 франковъ; 37 фр. заплатилъ за мѣсто, чтобы выбраться скорѣе изъ Генуи. Ночью, за ужиномъ, по лѣстницѣ звонкимъ эхомъ играла мандолина, и разбавила горестъ жизни угнетаемаго путешественника, преданнаго одному своему дѣлу, проводящаго его чрезъ всѣ пакости соприкосновенныхъ ему людей. Приѣхавъ къ границѣ шпіонской, желтый цвѣтъ будокъ съ черными полосами смѣнилъ намъ самостоятельное чувство Сардиніи на удушливые вздохи Ломбардіи. Къ намъ влѣзъ въ карету сѣдой чиновникъ; огрубѣлыя черты его, и полныя довольства, представляли намъ идеаль мытарства. У Porta Ticina убранство разноцвѣтныхъ тряпокъ съ мишурой грустно представляло потѣху праздника: народъ зѣвалъ, чего-то ждалъ, женщины живѣе суетились, и одни уличные мальчишки, кажется, были вполнѣ довольны, подбирая падающіе съ лотковъ и лавокъ орѣхи, и собирая окурки сигарокъ. Сложивъ чемоданъ въ отелѣ, я тотчасъ пошелъ alle Grazie ¹⁾. Безсмертный Леонардо и въ развалинахъ своихъ все еще царь Милана, ни одинъ путешественникъ не забываетъ ему поклониться. Горестно было смотрѣть на пропадающее уди-

¹⁾ Церковь Madonna delle Grazie, гдѣ находится „Тайная Вечеръ“ Леонардо-да-Винчи.

вительное твореніе. Сейчасъ за карандашъ! и восемь дней были опредѣлены на практическое изслѣдованіе оставшихся красотъ. Съ помощію этой же композиціи, исполненной Маркомъ д'Оджоне въ Брерѣ, славный Моргенъ сей послѣдней больше держался, чѣмъ оригинала, исключая фигуры Христа; говорятъ, что увезенная въ Англію копія Гауденція Феррари на холстѣ лучше всего можетъ напоминать оригиналь. При соединивъ въ альбомъ мой этюдикъ Іуды и Петра, и рисуночки Леонардо въ Амброзіанѣ ¹⁾, я простился съ Миланомъ, т.-е. съ «Тайной вечерью» великаго художника, поклонившись творенію его до земли. Подлецъ литераторъ-художникъ Босси ²⁾! Поставивъ копію съ Леонардо въ Брерѣ, онъ въ ней горькій и прегорькій подлецъ. Какъ литератора, мнѣ его хвалили, но я все-таки не купилъ его разсужденій о Леонардо, испугавшись его произведенія. Говорить объ искусствѣ легче, нежели самое искусство. Опять спустился я въ Геную, но не въ силахъ болѣе тотчасъ отправиться въ Тоскану. На другой день я уже дѣлалъ эту дорогу землей. Купецъ генуезскій, сидя противъ меня, утомился моимъ молчаніемъ. Я началъ говорить, касаясь всегда политики Италіи, что очень не нравилось: они какъ видно другъ друга боятся на этомъ разговорѣ. Пиемонтъ эгоистъ: онъ только мечтаетъ, чтобы ослабить австрійца, да и то, если можно, не двигаясь съ мѣста, чужими руками. Войска сардинскія, за день до моего пріѣзда къ границѣ, были высажены съ парохода, и мы безпрестанно видѣли пикеты. Марія-Тереза отказалась отъ пармскаго царствованія, и уѣхала оканчивать жизнь въ Вѣну. Луккскій герцогъ, почти выгнанный изъ своего владѣнія, думаютъ, что теперь въ Пармѣ. Въ Луккѣ мы почти народу не видали, но трактирный слуга разсказывалъ о лукезцахъ, какъ о герояхъ. Особой честности мы не замѣтили. Были въ театрѣ;

¹⁾ Амброзіанская бібліотека.

²⁾ Миланскій живописецъ Босси употребилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на самое подробное изученіе „Тайной вечера“, Леонардо-да-Винчи, и всѣхъ рисунковъ автора, къ ней относящихся. Плодомъ этого изученія былъ рисунокъ въ натуральную величину, въ которомъ авторъ старался возстановить полугустую фреску въ ея первобытномъ видѣ, — и книга, подробно излагавшая всю исторію и технику картины.

«Макбетъ» Верди превосходенъ. Говорилъ мнѣ товарищъ, что послѣ первыхъ двухъ актовъ пѣли всѣ гимнъ папѣ. Все сдается на царствованіе анархіи, — можетъ быть, это черное только. Лукезцы не хотятъ въ службѣ у себя видѣть иностранцевъ. Въ Пизѣ, Розини старался мнѣ продать свой собственный экземпляръ сочиненія Розеллини, увѣряя, что цѣна увеличилась; но я прежде зналъ, что можно достать у братьевъ покойнаго Розеллини за 100 франческоновъ ¹⁾, и потому не мало удивился, что знаменитый литераторъ, представитель Пизы, столько же подловать, какъ простой извозчикъ.

~~~~~

CXLVII.

КЪ ГРАФ. С. П. АПРАКСИНОЙ.

(Римъ. Осень 1847.)

Столь много приближенный къ вашему дому благословенными воспоминаніями Искіи и Кастелламаре, я чувствую непреодолимое желаніе знать о положеніи и здоровьѣ какъ вашему, такъ и достопочтеннѣйшаго семейства вашего. Третьяго дня, возвратясь въ Римъ, былъ у графа Строгонова, но онъ меньше мнѣ могъ сказать, чѣмъ я знаю, и потому просилъ бы васъ покорнѣйше написать мнѣ сюда двѣ строки, или, по крайней-мѣрѣ, наказать объ этомъ Михайлову.

Въ Римѣ все успокоилось; иностранцы, прожившіе здѣсь десять лѣтъ, имѣютъ право вступить въ службу національной гвардіи, по своему желанію. Такъ мнѣ сказали англійскіе художники; но почтеннѣйшій нашъ художникъ Иорданъ стоялъ уже два раза на часахъ.

Видя васъ особенно внимательными къ теченію дѣлъ моихъ, я долженъ вамъ сказать, что надняхъ получилъ бумагу слѣдующаго содержанія: «Императорская Академія Художествъ. Г-ну академику Александру Иванову.—Правленіе И. А. Х., препроводивъ къ г-ну начальнику русскихъ художниковъ въ Римѣ слѣдующій вексель на Высочайше назначенную вамъ,

¹⁾ Тосканская монета „франческоне“ равнялась 5 франкамъ,

по представленію его императорскаго высочества, президента Академіи, сумму на содержаніе въ Римѣ на полгода, для окончанія картины вашей, въ 1768 франковъ 80 сент., увѣдомляетъ васъ о семъ, съ тѣмъ, чтобы вы явились къ генераль-маіору Киліу за полученіемъ векселя».

Вы знаете, какой я невѣжда въ сношеніяхъ съ правительственными людьми,—это (я) всёмъ доказаль страданіями моими прошедшаго года. Что это за бумага, вслѣдствіе чего она прислана, можно-ли мнѣ быть увѣреннымъ, что не понесу новыхъ страданій, если возьму эти маленькія деньги?

Конечно, еслибы обстоятельства вамъ способствовали сюда пріѣхать, тогда легче бы было. Жду со дня на день Николая Васильевича, и тогда воспользуюсь его опытностью.

Пожалуйста, извѣстите меня, которымъ вы путемъ поѣдете: черезъ Molo di Gaeta, или Сергано, дабы мнѣ васъ видѣть тремя или четырьмя часами прежде.

CXLVXIII.

КЪ ГОГОЛЮ (?).

(Римъ. Октябрь 1847.)

Наслышался я много горестнаго объ васъ. Не знаю, все ли вѣрно? Судя по письму вашему къ Иордану, многое подтверждается. Согласимся однакожь, что несчастія намъ даются свыше, дабы мы могли имѣть болѣе способовъ жить, въ глубинѣ самихъ себя, въ полной покорности волѣ Провидѣнія. О трудностяхъ моей жизни я не буду вамъ говорить ничего до личнаго свиданія: все важное у меня и записывается, и запоминается. Теперь только скажу, что мнѣ нужны будутъ деньги, оставленные Языковымъ, въ продолженіи этого полугода. Но объ этомъ я не буду къ вамъ писать: еще разъ, я имѣю на это причины.

СХLIX.

КЪ ГРАФ. С. П. АПРАКСИНОЙ.

Римъ. Октября 29, 1847.

Извините, что опаздываю отвѣтомъ на оба ваши письма, въ которыхъ столь прекрасно выражается чудная, свѣтлая ваша душа. Отлагалъ я и потому, что ждалъ нашего общаго друга и учителя, Николая Васильевича, и потому не являлся до сего дня въ канцелярію посольства, что составляетъ важную эпоху, съ нѣкотораго времени, въ моей жизни, по ощущеніямъ, какія чувствуетъ душа моя предъ входомъ туда, во время разговора тамъ, и послѣ этой операціи. Этотъ разъ, въ отношеніи къ прошедшему году, то же былъ, что натуральная жестокая оспа къ прививной. Результатъ все-таки тотъ, что нужна бумага изъ Петербурга, въ которой бы помѣщено было, что они меня не имѣютъ права беспокоить посѣщеніемъ въ студию, а иначе, говоритъ Устиновъ ¹⁾, Киль, какъ приставъ надъ царскими заказами, или князь, по особой просьбѣ Государя, придутъ свидѣтельствовать, какъ подвигается моя картина. Не знаю, принять ли мнѣ этотъ разговоръ за простой и обыкновенный правительственнаго лица съ вѣрноподаннымъ русскимъ, какъ это мнѣ случилось въ Генуѣ съ нашимъ консуломъ, что хотѣлъ меня отъ править немедленно въ Россію, не замѣтивъ на паспортѣ подписи Бутенева, или и въ самомъ дѣлѣ тутъ нужна бумага?

Вы не повѣрите, какъ скучно смотрѣть на этихъ людей, которыхъ все занятіе состоитъ какъ будто въ томъ, чтобы беспокоить людей, истинно и дѣльно занимающихся. Ясно, что тутъ недостаетъ лица съ глубокимъ сердцевѣдѣніемъ, и способнаго понимать художника, — тогда все бы приняло благой оборотъ.

Обо всемъ этомъ я еще болѣе подумаю, соберусь навѣстить нѣкоторыхъ изъ нашихъ художниковъ, и потомъ напишу къ вамъ продолженіе этого письма, а покамѣстъ скажу,

¹⁾ Секретарь русскаго посольства въ Римѣ.

что получилъ отъ Устинова два векселя: одинъ отъ Академіи, о которомъ вамъ писалъ, а другой отъ Государя Наслѣдника во сто червонцевъ, присланный мнѣ Василиемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, съ весьма замѣчательнымъ письмомъ, о которомъ я буду говорить послѣ.

Вчера сюда прибылъ Моллеръ, и весьма благодарилъ меня за ваше вниманіе къ его здоровью, переданное мною по вашему порученію.

СЛ.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Римъ. Ноября 21, 1847.

Письмо ваше, со вложеніемъ 3000 руб., отъ Государя Наслѣдника, весьма много пособило перемѣнѣ моего положенія. Деньги хотя уже и сами по себѣ вещь нужная для дѣятеля-художника, но тутъ еще важнѣе то, что его высочество вниманіемъ своимъ выкупаетъ меня отъ сроковъ и другихъ людскихъ причудъ. Конечно, всѣмъ этимъ я обязанъ вамъ, за чтò и приношу искреннюю мою благодарность. Тревожное состояніе мое прошлаго года, не позволявшее мнѣ заняться спокойно моимъ дѣломъ, я силюсь поправить нынѣшнимъ, и потому весь отдался моей картинѣ. Если Богъ поможетъ скоро совершить трудъ, то я надѣюсь самымъ дѣломъ убѣдить васъ, что способенъ изъ житейскаго простаго быта (tableau de genre) вознестись до изображенія Бога-целовѣка.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть вамъ покорный слуга

Александръ Ивановъ.

СЛІ.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Начало 1848.)

Какъ ни закаявался я ни къ кому не писать писемъ, но ваша статья обо мнѣ насильно водить перо и руку ¹⁾).

Цѣлую и обнимаю васъ въ знакъ совершеннаго съ вами замиренія, и возвращаюсь опять въ то положеніе, когда, смотря на васъ съ глубочайшимъ уваженіемъ, вѣрилъ и покорствовалъ вамъ во всемя. Я вполне былъ всегда увѣренъ, что посредникомъ между художниками и высшимъ начальствомъ, кромѣ васъ, никто не можетъ быть. Чѣмъ скорѣе вы тутъ будете, тѣмъ менѣе мы понесемъ страданій, которыя, за неимѣніемъ такого человѣка, какъ вы, обрушиваются на лучшихъ, а въ особенности на меня. Вотъ все, что я могу сказать. Могу еще желать, чтобы вы это прочитали Софьѣ Петровнѣ.

Одно мнѣ позвольте возразить противъ слѣдующихъ словъ вашей статьи: «*Ивановъ ведетъ жизнь истинно монашескую*». И очень бы не отказался имѣть женой монахиню—женщину, занятую преслѣдованіемъ собственныхъ своихъ пороковъ!

Я опять испугался людей, чувствую себя нѣсколько разстроеннымъ, и потому боюсь въ этомъ положеніи являться обществу. Вотъ почему и къ Г*** неиду. Новое политическое состояніе Рима требуетъ большаго времени, чтобы замѣтить важные и истинные плоды.

Книга ваша ходитъ здѣсь по рукамъ, и я бы могъ ее достать у Раевскихъ, но я не былъ у нихъ съ начала ихъ приѣзда, и это-то меня уже сильно отъ нихъ отстраняетъ. Удивляюсь добротѣ Софьѣ Петровны: рѣшилась изувѣчить свою книгу для меня. Пожалуйста, принесите ей за это мою искреннѣйшую благодарность.

¹⁾ Известная статья Гоголя въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“.

СЛП.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Весна 1848.)

Весьма благодарю за присылку денегъ: все такъ обставилось, что я безъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, не въ состоянїи бы былъ ни существовать, ни продолжать трудъ, или, по крайней мѣрѣ, былъ бы въ большихъ заботахъ и хлопотахъ.

Первый вашъ вексель я медлить размѣнять, и за то теперь дорого плачу.

Образованность Запада, вмѣстѣ съ формой ихъ религїи, находится въ самомъ трудномъ положенїи. Этотъ любопытный ихъ кризисъ, конечно, никому не будетъ такъ полезенъ, какъ русскимъ, которымъ суждено придти послѣднимъ на поприще духовнаго своего развитїя и завершить все спокойно, здравой критикой. Въ этой нравственной борьбѣ мы, художники, должны быть самые послѣднїе дѣятели. Вы же, напротивъ, сейчасъ же должны выступать. Ваша программа—написать статью объ иконной и исторической живописи совершенно согласна будетъ съ требованїемъ времени, и въ особенности для насъ весьма будетъ любопытна. Эта мысль меня постоянно занимаетъ. Къ моему рѣшенїю много будетъ способствовать ваша книга. Желательнѣе было бы, чтобы все было сжатѣе и короче.

Очень радъ найденной вами для меня Библии, но не торопитесь, если нѣтъ вѣрнаго случая къ ея пересылкѣ.

СЛП.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Весна 1848.)

Это правда, при послѣднемъ свиданїи я выпросилъ у васъ годъ времени, надѣялся сдѣлаться практически достойнымъ милостей вашихъ. И точно, дѣлаю все, что могу, но натура дѣла моего весьма медленна, и всякая быстрота и торопли-

вость помѣшали бы сильному моему совершенству, а между тѣмъ лѣта мои уходятъ, а съ ними и тѣ дни, въ которые человѣкъ долженъ бы быть сопричастенъ самымъ высокимъ наслажденіямъ жизни. Совѣстливое окончаніе трудовъ моихъ, и въ минуту ихъ совершенія, и впоследствии, можетъ меня сдѣлать любезнымъ для общества. Но неужели мы все еще живемъ въ тѣ суровыя времена, когда нельзя въ тоже время прибавить и самыя высокія наслажденія жизни, составляющія полноту человѣческаго блаженства?

Очень бы желательно слышать что-нибудь о Николаѣ Васильевичѣ. Общій воспитатель, вѣроятно, еще болѣе усовершенствовался внутри себя. Неужели истиннымъ способностямъ необходимо безобразное клеймо казенное, и особливо тогда, когда они еще не совсѣмъ утвердились въ общемъ мнѣніи. Я полагаю, что бесѣда художниковъ для его будущности необходима: онъ зачерпнетъ изъ нея многое, чтобы создать планъ будущаго блестящаго для нихъ дѣйствія. Не одѣтый въ казенную форму, онъ гораздо откровеннѣе найдетъ сердца лучшихъ, на которыхъ опирается все въ будущемъ, а исполнивъ свои сочиненія и окончивъ удобопонятнымъ обществу (образомъ), приобрететъ законную себѣ опредѣлительность, какъ отъ насъ, общества, такъ и отъ правительства, и то, что теперь было отвратительно, будетъ тогда и справедливо, и необходимо.

Сердечно жалѣю, что встрѣчаю васъ въ горѣ, но не знаю, чей крестъ тяжелѣе. Мнѣ, какъ послѣднему дѣятелю въ пути образованія, нужно самое нѣжное спокойствіе, чтобы вести вдаль дѣла.

Былъ періодъ въ моей жизни, когда, подъ защитой незвѣстности, созидалось у меня все любовію къ искусству, теперь нужно ждать другаго—милосердія и терпѣнія общества.

Солнцева вещь для Языкова, какъ будто, кончена. Меня увѣряютъ, что это копія съ той, которую онъ отдалъ королевѣ нидерландской. Чтобы это подтвердить, нужно видѣть обѣ картины вмѣстѣ. Но все-таки Солнцевъ въ этой картинѣ и не преданный искусству человѣкъ, и не достоинъ имени русскаго.

CLIV.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Юнь 1848.)

Что мнѣ сказать вамъ на письмо ваше отъ 1-го іюня? Я не знатокъ сердца человѣческаго, и самъ очень еще не дошелъ до спокойствія душевнаго. Съ этими данными, и при искренней моей къ вамъ привязанности и любви, могъ наговорить вамъ много неутѣшительнаго и даже непріятнаго, совсѣмъ не замѣчая самъ этого. Мы же, какъ вы видите сами, живемъ въ эпоху приготовленія для человѣчества лучшей жизни. Слѣдовательно, всѣ мерзости отъ прошлыхъ временъ мы должны взять на себя, и въ исправности представить обществу — каждый свое поприще, и за прошедшія наши пакости не смѣть и ждать, подъ конецъ жизни нашей, отрадныхъ результатовъ: они будутъ гораздо впереди, со слѣдующими поколѣніями, и тогда развѣ вспомнить и объ насъ. Несмотря на такое горестное положеніе нашего времени, мы должны быть бодры и достойны этого труднаго переходнаго періода. Итакъ, впередъ! Повѣрьте, что мое положеніе нисколько не легче вашего. Вы, по крайней мѣрѣ, высказываетесь, и этимъ, хотя немного, да себя облегчаете, а я и того сдѣлать не смѣю. Скоро и я отправлюсь изъ Рима, но куда—и самъ еще не знаю. Хотѣлось бы въ Неаполь, къ морскимъ банямъ. Вы все-таки пишете въ Кафе Греко. Братъ все въ глубинѣ термъ Каракаллы. Его рисунки я оцѣнить не умѣю. На-дняхъ былъ въ студии у Калкова: онъ у насъ стоитъ теперь во мнѣніи, какъ лучшая надежда отечества по исторической живописи. Школа Брюлло у него отозвалась; миленькая чучарка и хорошенькая альбанка читаютъ книгу (хотя чучарки и альбанки читать не умѣютъ), портретъ одного изъ пріѣзжихъ русскихъ — все это показываетъ большаго практика удовлетворять желанію современной публики. Ковригинъ хотя, повидимому, и меньше владыка кисти, но, судя по направленію, на которое онъ вступаетъ, копируя усердно «Вѣнчаніе Богоматери» первой манеры Рафаэля, можно надѣяться, что превзойдетъ всѣхъ трехъ золо-

тыхъ медалистовъ. Я, съ моей стороны, при каждой встрѣчѣ съ ними говорю о Ватиканѣ, но въ Ватиканѣ ихъ все-таки не видно. Надежда быть въ Италіи воспламеняетъ петербургскаго ученика къ успѣхамъ въ своемъ искусствѣ, но рѣдкій и очень рѣдкій находится, какъ тутъ себя вести и обставить.

Еще разъ вамъ скажу: не заботьтесь о доставленіи мнѣ Библии. Право, некогда и того прочесть, что подлѣ меня лежить, и что во-первыхъ нужно. Я теперь весь предаюся практической исполнительнѣйшей части. Не знаю, сколько я подвинулъ картину, но, кажется, работалъ, сражаясь съ невзгодами, какія мнѣ этой зимой случалось встрѣтить въ жизни.

Радуюсь, что имѣю отъ васъ благодатныя извѣстія о Гоголѣ. Читалъ я на-дняхъ его книгу «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Не знаю, за что это на него такъ нападаютъ—тамъ есть превосходныя мѣста. Жаль, однакожь, что онъ тамъ написалъ обо мнѣ и Іорданѣ: эти мѣста невѣрны.

Не думайте, чтобы я сталъ нападать на васъ за вашу привязанность къ женщинѣ. Это правда, я до сихъ поръ это чувство пряталъ и отъ себя, и отъ другихъ, видя въ немъ страшное препятствіе для занятій, но теперь, теперь,—ну объ этомъ уже въ слѣдующемъ письмѣ: это уже и безъ того довольно длинно. Сабины уже нѣтъ въ Римѣ: она съ мужемъ въ Фолинью—тамъ и останется. Эмилиа только-что высвободилась отъ бремени, и также отправится къ мужу въ Болонью. У меня останется только Чечилія.

CLV.

КЪ ГОГОЛЮ ¹⁾.

Римъ. Іюля 25, 1848.

Добрый нашъ *Θ. В. Чижовъ* хочетъ написать разсужденіе объ иконной и исторической живописи; (но) говорить, что

¹⁾ См. примѣч. на стр. 229.

ему недостаетъ для этого начитанности, которую берутъ на себя духовныя лица. Я его утвердилъ въ его чувствованіяхъ, сказавъ, что явленіе этой книги будетъ совершенно согласно съ требованіемъ нашего времени. Желательно, однако же, и мнѣ было бы знать ваше мнѣніе, въ разсужденіи того: можетъ ли описаніе предшествовать факту? Можетъ ли литераторъ дѣйствовать тутъ прежде художника, и достаточно ли слово сего послѣдняго, не утвержденное его практическимъ дѣломъ? Мнѣ, наконецъ, кажется, что прежде чѣмъ представительный живописецъ не рѣшитъ это опытомъ, представивъ, хотя въ малыхъ видахъ, икону и историческую картину, нельзя литератору говорить объ этомъ вѣрно и смѣло, хотя бы даже и пользовался (онъ давнею и справедливою) вѣрою публики, по уму своему, извѣстному по другимъ предметамъ ¹⁾. Очень одолжите, если отвѣтите мнѣ именно на эти строки.

Радуюсь, что вы совершили благополучно путешествіе къ Св. Гробу. Чѣмъ-то вы насъ подарите? Вѣдь отъ васъ всѣ ждутъ чудесъ. Я тоже думаю, что, можетъ быть, въ этой вашей будущей книгѣ, художникъ изъ ничтожества и предмета печатной колкой насмѣшки вынесется въ дѣятеля общественнаго образованія, и тогда мы съ вами съ миромъ изыдемъ, (чтобы приготовить миръ міру).

Глубоко васъ почитающій
Александръ Ивановъ.

(Наступающій жаръ и усталость душевная высылаютъ меня изъ Рима, но куда, я еще не рѣшился. Если случится истинно отдохнуть и придти опять въ спокойствіе и полныя силы, но напишу къ вамъ и подробнѣе, и по отчетливѣе обо всемъ).

¹⁾ Вслѣдствіе своего таланта, проникающаго другіе предметы. (Такъ измѣнилъ Ивановъ послѣднюю фразу при перепискѣ письма на-чисто, см. Современникъ 1858, т. 72, отд. I, стр. 168).

CLVI.

КЪ БРАТУ.

Неаполь. Июль, вторникъ, 1848.

Любезный братъ.

Какъ я сожалѣю, что ты меня все еще не понимаешь, и потому, какъ видно изъ твоего письма, все еще находишься въ тревогѣ. Возьми себѣ одинъ разъ навсегда за правило—дѣйствовать согласно съ твоимъ собственнымъ убѣжденіемъ, а мнѣнія другихъ не иначе принимать, какъ перебравъ ихъ строжайшей критикой со всѣхъ сторонъ. Ты самъ, я думаю, видишь, что между нами есть разница. Ты живешь на казенный счетъ, Государь поставилъ директора надъ пенсіонерами; слѣдовательно, ты подлежишь его вѣдѣнію, и всякій бой съ твоей стороны тутъ былъ бы нелѣпымъ и препятствующимъ главной твоей цѣли и счастію. Мое положеніе совсѣмъ другое: я членъ Академіи, живущій на свой счетъ. Въ первомъ условіи я долженъ беречь честь Академіи, а вслѣдствіе втораго я совершенно человѣкъ свободный. Если мнѣ былъ назначенъ пенсіонъ, то самъ ты согласишься, что не могу я идти за нимъ вслѣдствіе постороннихъ объ немъ толковъ: мнѣ необходимо было ожидать официальнаго объ немъ извѣстія; иначе, пришедши въ директорство за пенсіономъ, вслѣдствіе толковъ, которые, положимъ, оказались бы пустыми, самъ ты рассуди, какимъ бы я тогда былъ пошлымъ дуракомъ. Товарищей я всегда любилъ и люблю, но люди, совѣстливо не занимающіеся своимъ дѣломъ, заботящіеся о доставленіи себѣ мелкихъ животныхъ удовольствій, издерживая на нихъ безощадно свою нравственность, невольно отупѣваютъ къ чувству всего высокаго, и даже часто издѣваются надъ людьми, стремящимися къ нему въ своемъ затворничествѣ. Впрочемъ, личное мое присутствіе покажетъ мнѣ всѣхъ ихъ, а беззанозливое мое обращеніе съ ними меня дѣлаетъ даже ихъ другомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы здѣсь устроились. Михайловъ, Ставассеръ, Ивановъ ¹⁾ и даже

¹⁾ Скульпторъ.

Прангъ ¹⁾ со мной въ ежедневномъ находятся соприкосновеніи.

Прощай же, душа моя, не безпокойся ни о чемъ: мнѣ Циммерманъ общаетъ возстановленіе силъ. Третьяго дня я обѣдалъ у Чернышевыхъ. Князья Волконскіе уже добрались до Варшавы. Если старику не хуже, чего надѣяться трудно, дай Богъ ему силъ хоть на одинъ годъ. Многое чтò у насъ поправится, если онъ будетъ на прежнемъ мѣстѣ. Береги отъ воровъ мою студию; ты что-то мнѣ объ этомъ ничего не упомянуть.

Въ надеждѣ на Бога и на людей, ищущихъ его въ истинѣ, остаюсь братъ твой

Александръ.

Сегодня беру третью баню, остается 27, а потомъ лично съ тобой увижусь.

CLVII.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Октябрь. 1848.)

Всего четыре дня какъ я здѣсь въ Римѣ, а сколько уже натерпѣлся! И, чтò еще важнѣе, не имѣлъ времени взглянуть на мою картину, послѣ трехъ-мѣсячнаго моего отсутствія. Братъ давно зналъ о кончинѣ нашего батюшки ²⁾, но щадилъ меня извѣщать о семъ въ Неаполь. Отдавъ послѣдній долгъ слезами, я теперь стараюсь устроить какъ положеніе бѣдной моей племянницы, такъ и полученіе наслѣдства. Денегъ, я думаю, онъ намъ оставилъ до 25 тысячъ руб. (ассигнаціями), кромѣ процентовъ, которые всѣ въ концѣ дѣла. Полученіе и распоряженіе всего этого мы поручили отъѣзжающему отсюда нашему давнему знакомому, Θεодору Антоновичу Моллеру. Согласитесь, что лучше сего мы ничего не могли придумать въ настоящую минуту. Нужно

¹⁾ Архитекторъ.

²⁾ Отецъ Иванова умеръ отъ холеры, 12 іюля 1848.

бы сыскать въ Петербургѣ комнату, куда бы сложить картины и рисунки до прїѣзда нашего, но это я не знаю какъ сдѣлать, а время не терпитъ. За большую нашу квартиру не хочется платить понапрасну, тѣмъ болѣе, что племянница выйдетъ за мужъ, о приготовленіяхъ къ чему насъ часто извѣщали со дня уѣзда брата въ чужіе края, или уѣдетъ въ Севастополь, къ матери своей.

Къ удивленію моему, деньги, которыя я здѣсь получилъ, оказались не Языковскими. А я именно полагалъ, что это они. У меня здѣсь есть деньги въ банкѣ Боргезе, но они не иначе выдають, какъ по 15 скудъ въ недѣлю. Смутное положеніе Италіи и Рима заставило было задумываться о вѣрности положенія банковъ; конечно, нельзя предугадать за вѣрное и опредѣленное, что и какъ будетъ впереди, въ будущемъ полугодѣ? Однакожъ, кажется, я не буду нуждаться въ деньгахъ.

У Чимабуэ—Богородица въ синемъ верхнемъ, а въ красномъ я, кажется, видѣлъ у живописцевъ до Чимабуэ, которыми начинается корридоръ Уффицій во Флоренціи. Наша иконная живопись иначе не можетъ быть устроена, какъ воспитаніемъ сыновей иконписцевъ старообрядческихъ: нужно ихъ свести съ опытнымъ русскимъ художникомъ, понимающимъ всю важность и пользу нашей религіи. Но все-таки это не предѣлъ живописи: полетъ ея гораздо долженъ быть выше. Изъ русскихъ художниковъ лучше всего Ковригину поручить образъ Екатерины Мученицы: онъ теперь весь погруженъ въ первую манеру Рафаэля; но гдѣ-же портретъ? Мнѣ кажется, что энциклопедическій взглядъ нашихъ литераторовъ можетъ быть весьма много и исправленъ, и воодушевленъ печатными замѣчаніями специальныхъ людей. Голосъ изъ кельи, въ которой вырабатывается которая-нибудь вѣтвь способностей и ума человѣческаго, будетъ еще важнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Неимовѣрныхъ трудовъ стоитъ выторговать у свѣта право на келью, хоть бы и сыскался монахъ, одаренный всѣми способностями къ затворничеству.

Справлялся я о книгахъ: Марки высланъ, съ товарищемъ своимъ іезуитомъ, вонъ изъ Италіи; его увража вышло нѣ-

сколько фашиколовъ¹⁾. Мерле, лучший книгопродавецъ, сказалъ мнѣ, что онъ постарается обо всемъ этомъ справиться.

Очень жаль, что Θεодоръ Солнцева не ѣдетъ сюда, для срисованія всего византійскаго въ Италиі.

СЛѢД.

КЪ ПЛЕМЯННИЦѢ²⁾.

(Римъ. Октябрь 1848.)

Братъ щадилъ меня извѣщать въ Неаполь о смерти ба-тюшки; онъ вѣрно расчелъ, что съ нимъ въ Римѣ я легче снесу ударъ. И точно: я уже привыкъ къ этому новому горю, оно мнѣ доставляетъ и развлеченіе, и утѣшеніе, но у насъ безпрестанно носятся мысли о вашемъ положеніи, какъ устроить ваше возможное счастье, если женихъ вашъ или не можетъ, или вы сами не захотите съ нимъ навсегда соединиться.

Напрасно вы думаете, что я и братъ разлюбили наше отечество. Напротивъ, съ каждымъ днемъ вездѣ слышится чувствительнѣе лучшая участь русскаго; посильными же нашими успѣхами мы еще яснѣе это и себѣ, и другимъ стараемся высказать. Быть русскимъ уже есть счастье, какъ же вы хотите, чтобы мы не желали его? Возвратъ нашъ на родину будетъ неперемѣнно, но нужно же прежде исполнить долгъ—окончить давно начатыя дѣла съ возможной совѣстью. И потому ни я, ни братъ не можемъ навѣрное сказать о часѣ возвращенія нашего. Покамѣстъ, однакоже, поговоримте о ближайшемъ; сдѣлайте милость, будьте съ нами откровенны, и вѣрьте, что всегда найдете отголосокъ теплыхъ чувствъ въ сердцахъ нашихъ. Чѣмъ болѣе вы намъ дадите данныхъ, тѣмъ вѣрнѣе мы можемъ придумать устройство вашего благополучія.

Сестру нашу мы не винимъ. Ея положеніе, о которомъ

¹⁾ Выпусковъ.

²⁾ Екат. Андр. Сухихъ.

она писала батюшкѣ, во всемъ ее извиняетъ. Даже въ отвѣтъ къ вамъ сегодня послалъ я письмо къ графу Толстому, прося его отписать въ полицію, чтобы васъ не беспокоить до пріѣзда Моллера, который отправится отсюда черезъ двѣ недѣли отъ сего дня, и безостановочно пріѣдетъ въ Петербургъ съ нашей довѣренностью. Онъ останется мѣсяць. Мы очень бы желали, еслибъ въ это время все было рѣшено: все-таки ваше положеніе труднѣе всего опредѣлить. Мебель можно продать скоро, ради сдачи квартиры, хотъ за безцѣнокъ; картины и рисунки можно сложить въ комнатѣ, хотъ у Моллера. Но какъ вы, и что съ вами намъ дѣлать, если не выйдете замужъ? Если дѣло въ деньгахъ, то мы уполномочимъ Моллера выдать три тысячи изъ билетовъ батюшки, а если у васъ не это затрудненіе, тогда какъ? И братъ, и я съ распаленными лицами не знаемъ, что придумать. Пожалуйста, пишите къ намъ, не отлагая: ваши письма намъ крайне необходимы—только они могутъ пособить намъ въ устройствѣ вашего положенія. Мы Моллера просили, чтобы братъ его заѣхалъ къ вамъ вручить вамъ 300 руб. ассигнаціями.

СЛІХ.

КЪ А. О. СМІРНОВОЙ.

(Римъ. Октябрь 1848.)

Прошлаго года, отдыхая отъ тягостей жизни подъ милостивымъ пріютомъ Софіи Петровны Апраксиной, я былъ оживотворенъ, услышавъ отъ нея о вашемъ попеченіи обо мнѣ въ Петербургѣ въ разсужденіи уничтоженія срока для окончанія моего настоящаго труда, и тутъ же просилъ принести вамъ мою искреннюю благодарность.

Этотъ достопамятный вашъ поступокъ—вывести меня изъ жестокихъ условій, на которыхъ выдана была мнѣ царская милость, внушаетъ мнѣ смѣлость еще разъ теперь къ вамъ же прибѣгнуть.

На-дняхъ получилъ я плачевное извѣстіе о кончинѣ моего батюшки. Болѣе двадцати лѣтъ, какъ онъ имѣлъ дѣла въ сенатѣ: (одно—) о полученіи денегъ за трудъ свой съ графа С. П. Потемкина, и другое—о ссудѣ денегъ, одолженныхъ мною для путешествія на обратный путь въ Россію художника Засена. Отецъ мой хотя уже и видѣлъ эти дѣла у конца своего, однакожь его кончина пресѣкла всѣ лестныя его ожиданія.

Возьмите во вниманіе дальнѣйшее развитіе и образованіе нашего отечества, гдѣ я и братъ тоже составимъ часть, жертвуя наслажденіемъ и выгодами жизни для его успѣховъ, доставьте намъ сими деньгами способъ еще болѣе расширить горизонтъ нашъ. Потрудитесь склонить вашего супруга на ходатайство по дѣламъ нашимъ, которыя теперь въ полной его власти. Мы готовы принять всякаго рода опредѣленія, хотя бы даже они были весьма далеки отъ тѣхъ, какія ожидалъ покойный отецъ нашъ.

CLX.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Конецъ 1848.)

Уже съ полгода, какъ я слышалъ отъ Θ. И. Гурдана о кончинѣ вашей матушки, и удивлялся, что вы меня прежде объ этомъ не извѣщали.

Я васъ просилъ въ октябрѣ прошедшаго года прислать мнѣ деньги Языковскія. Теперь оказывается, что я получилъ деньги братскія, что меня очень сокрушаетъ. Еслибъ я зналъ, что вы такъ со мною поступите, я бы и Языковскихъ не просилъ.

О братствѣ же художникъ съ литераторомъ только тогда и можетъ начинать говорить, когда встанетъ покрѣпче на ноги. Я, до окончанія моей картины, не желалъ бы объ этомъ и начинать. Очень пріятно мнѣ слышать, что вы все собираетесь въ келью: вы, наконецъ, тутъ будете имѣть случай спросить себя о способностяхъ къ будущему вашему

поприщу, и рѣшите—промѣнять ли его на прошедшее ваше профессорство? Первый залогъ и фундаментъ, если это — природная непреодолимая наклонность къ какой-нибудь изъ отраслей ума челаѳѣческаго: безъ этого, сколько бы челоѳѣкъ ни начитывался и ни заимствовался отъ другихъ, все будетъ вяло, длинно, невѣрно и докучливо, а что еще хуже, что впослѣдствіи испортится и самая нравственность, нужны будутъ подлыя средства къ своему существованію.

Постараюсь по возможности прислужиться вамъ въ разсужденіи книгъ. Но, пожалуйста, вы представляйте себѣ мое положеніе: я встаю со свѣтомъ, работаю въ студиі до полудня, иду отдохнуть въ кафе, чтобы приготовить свои силы, дабы начать работать съ часу до сумерекъ. Уставъ такимъ образомъ, я радъ, радъ бываю добратъся до кресель, или до постели, вечеромъ. Только по воскресеньямъ я позволяю себѣ ничего не дѣлать, и тутъ пишу письма, если уже очень нужно отвѣчать.

Всякое измѣненіе этого порядка было бы клятвопреступленіемъ противъ моей картины, которая теперь составляетъ для меня все. Если Богъ поможетъ трудомъ, тогда я надѣюсь вступить въ братство съ отечественными литераторами печатнымъ образомъ, и публика разсудитъ: что наше, и что ваше.

Братъ занять все термами Каракалы. О будущихъ своихъ предпріятіяхъ говорить было бы неблагоприятно: всякая идея тогда только и сильна, когда еще не выдана на словахъ.

Я не знаю навѣрное, возьмется ли Ковригинъ написать образъ: я съ нимъ почти не выдаюсь. Я бы, на его мѣстѣ, рѣшительно не бралъ: молодой нашъ художникъ, съ такимъ дарованіемъ, какъ онъ, не долженъ тратить время на такіе пустяки. Впрочемъ, это только мое мнѣніе.